

ОРАНЖЕВЫЙ БЛЮЗ / мистерия

Светослов (Игорь Платонов); «Букстрим», 2014. – 100 с.

Новелла о безумной, всеутоляющей любви двух людей, овеянная головокружительными озарениями и трансцендентными откровениями, суть которых одна: сохранить в душе Божественную любовь и дарить её миру.

Сила обстоятельств, сложившихся вокруг главного героя – гениального музыканта-импровизатора по прозвищу Маэстро, заставляет его круто изменить судьбу: он становится бродягой-импровизатором и уходит играть в подземный переход. И там он встречает ту единственную, непостижимую Юлиану, которая, переполняя его сердце, отныне навсегда становится неотъемлемой частью его жизни и судьбы. Маэстро, импровизируя на флейте, вдруг постигает фантастические возможности своих виртуозных композиций, – его музыка становится магически действенной, создавая световые сферы, подобные порталам, открывающим другое измерение. В сплошном озарении любви Маэстро и Юлиана проникаются новым смыслом существования. Маэстро посвящает возлюбленную в свои музыкально-мистические феерии и, отдавшись течению свободы, они постигают иную реальность... Маэстро получает откровения свыше, из которых становится ясным главное: люди Земли могут спастись, лишь вернувшись к Истоку мировосприятия, пробудив в себе замысел Создателя. Линия драмы пронизана жизнеутверждающим чувством любви и свободы, – той радости, которая изначально дарована человеку.

ISBN 978-5-499-01049-5

© Светослов (Игорь Платонов), 2013

Это случилось весёлым весенним днем на одном из знойных побережий, дышащих терпкой волной и миндальными женщинами; а точнее – на одном из побережий Канарских островов, пропитанных экзотикой и свободой, где всехваткие разомлевшие боссы вальяжно и томно потягивают охлаждённое пиво, лениво перешучиваясь с залётными красавицами, появилась странная пара – мужчина и женщина. Пара, надо сказать, мистическая... Он был одет в светлую рубаху нараспашку и тёртые джинсы, а его щетина гармонировала с тем состоянием оцепенения и восторга, в котором он пребывал в данный момент. Он был бос, а в руках держал флейту. Она же была в изящном блузоне, перехваченном в талии узкой тесьмой, строгой юбке и сабо. Весь её вид представлял собой гармоничное дополнение своему богемновидному спутнику. У обоих были небесно голубые глаза, и светилось в них нечто болеутоляющее. Одним словом, – пара эта была не от мира сего, а стало быть, и мир сей был для них не столь важен, чтобы их вообще замечали на этом экзотическом оазисе с его лазурно ласковым небом и толпами блаженствующих туристов.

Дабы окончательно разъяснить происхождение этих детей свободы, мы сделаем некоторое отступление, в необходимости которого чуть позже не будет никаких сомнений. Так вот, он был человек лет, этак, тридцати семи, с небольшой сединой, патриархально облагораживавшей длинную, слегка растрёпанную шевелюру; прямой нос и строгие скулы невинно сочетались с мягкими губами, волнообразно вложенными одна в другую. Его глубокий открытый взгляд смешивал боль с иронией, невольно высвечивая наивный укор интеллектуала. Это был худощавый индивидуум высокого роста. Имея склонность подолгу не бриться, он своим обветренно-бродяжьим видом походил скорее на ветхозаветного странника, чем на человека с современным образом мышления. Она была молодой грациозной женщиной с чуть подведёнными глазами, в которых молчала Вселенная, и возраст её определить было трудно. В обаянии её угадывалась натура утончённая и возвышенная. Тёмно-русые волосы с чуть пепельным оттенком, мягко очерчивая овал лица, локонами ложились на изящные плечи. Губы её были по-детски сложены, но оттенок каприза только подчёркивал гармонию духа и тела. Вся

её фигура была статью, коей название – женственность. У неё было красивое имя – Юлиана; он звал её сокращённо и уменьшительно – Юна, и было в этом что-то юное и небесное... Его звали... Впрочем, он был пожизненным скитальцем, он принадлежал к природе великих отшельников, которые делают из хаоса гармонию, озаряя дух истиной, и она звала его просто – мой Маэстро, мой Ангел, мой любимый... До их встречи жизнь его метала из стороны в сторону. Он где только не работал, – и в филармонической бригаде, и в джаз-бэнде с выездами за границу, и на «халтурных» свадьбах, и в ресторанах. Когда ему вконец всё осточертело, он ушёл в себя. Имея дар импровизации и незаурядные исполнительские способности, – то, что попросту называют талантом, он мог часами предаваться блаженному уединению, извлекая из флейты магию музыки, дабы заполнить этой единственно спасительной страстью своё одичалое сердце. Причём, все свои мелодии он, как правило, запоминал наизусть и почти никогда не фиксировал их на бумаге. А зарабатывал он теперь только в подземном переходе, играя для случайных прохожих и мимолётных ценителей музыки. Иногда какой-нибудь залётный подвы-

пивший пижон останавливался перед ним и говорил:

- А ну-ка, лабани что-нибудь крутое!

Маэстро спрашивал:

- Это какое?..

Сноб снисходительно отвечал, небрежно помахивая купюрой:

- Ну... что-нибудь...

Он мудро закатывал глаза, делая вид, что сейчас выдаст *нечто*...

Музыкант закрывал глаза и играл блюз...
Озадаченный жуир сконфуженно молчал...

Вы когда-нибудь видели, как ведут себя помпезно-вальяжные люди, которым уже нечего хотеть? Они лениво и тупо глядят на то, чего не понимают и никогда не поймут в силу своей ударной лобковой кости и туго набитых карманов. Они делают вид, что компетентны даже в искусстве, и охотно вступят с вами в дебаты, и даже угостят вас каким-нибудь заморским ликёром, дабы не упасть в ваших глазах, и, шаловливо насвистывая слащавый шлягер в лирическом отступлении, будут гордиться тем, как они правы и сильны, и, лениво листая «Playboy», поверят в то, что всё идет так, как им хочется... Но мы-то знаем, что это - лишь блеф;

хотя встречаются и другие ценители возвышенного. И Маэстро это знал, как истинный художник, балансирующий между жизнью и смертью. И когда ему клали деньги в затёртую шляпу, он также знал, что в ответе за свою музыку он один; и в этой монументальной, мучительно-блаженной драме Земли и Неба вся его сущность вращалась в неутолимый роковой восторг, полностью отдаваясь пониманию того, что он – хозяин и слуга...

Он стал бродягой по собственному желанию, и некоторое время был доволен подобным образом жизни. Но всё чаще он стал испытывать какой-то трагический дискомфорт, смешанный с угрызениями совести, и постепенно в его душу вкрадывалась тихая необъяснимая тревога, наполняя бессонное сердце истошной тоской, которая медленно грызла его изнутри... Он впадал в депрессию, пил... затем обуздывал себя и снова шёл в подземный переход. У всякого человека бывают минуты слабости, но они, видимо, необходимы, для того, чтобы осознать свой внутренний потенциал и собраться с новыми силами для дальнейшей борьбы...

Она влетела в его жизнь светло и безумно. Так внезапное солнце пробивает угрюмые тучи.

Она не могла пройти мимо, не остановившись. Просто то, что он играл, было у неё в крови... Так вот, – она не могла пройти мимо своей жизни. Она остановилась перед ним в спасительно-щемящем безумии, как, если бы летящий поезд остановили стоп-краном... И когда их взгляды встретились, – всё вокруг исчезло. Так реки впадают в моря. Им не нужно было много слов, чтобы всё понять; скорее, они были лишни. Он только спросил её имя и как она сюда попала. Теперь они жили вместе в одном из патриархальных домов, на последнем этаже, открывавшем простор златоглавой Москвы. И квартира их была обставлена согласно творческому экспромту...

Приходилось ли вам слышать, как радостно и самозабвенно поют соловьи? А заливаются они без опаски потому как язык их неперево-дим, и ясен он лишь Вселенной, ибо музыка сфер глобальна и неуязвима... Я много раз про-ходил мимо старой заброшенной колокольни на окраине Москвы и всякий раз был обескура-жен колокольным звоном, доносившимся с этой священной обители. Я подходил и в упор смот-рел на неё, – на звоннице никого не было, а звон тем не менее не прекращался, наоборот – он

усиливался, переходя в гул, который обволакивал меня со всех сторон, превращая всю мою сущность в живой монумент... И тогда я понял, почему столько раз метили в Гамлета, а попадали в Шекспира. И всякий раз Небеса разверзались, и все оставались на своих местах... И наши герои – Маэстро и Юлиана жили без особых претензий к этому беспокойному миру, потому как и мир не имел к ним особых претензий. У Юны заканчивался отпуск, и она старалась как можно чаще быть рядом со своим любимым. Когда он уходил на работу в подземную эстраду, она увлекала себя кухонным искусством, приготовляя различные блюда, вкладывая в это свою трепетную душу, и с нетерпением ждала своего ангела, чтобы осчастливить его своим жизненным теплом и любовью. Обычно, когда на кухне всё было сделано, она брала интересующую её книгу и с головой уходила в чтение. Когда щёлкал входной замок и открывалась дверь, – в мгновение у Маэстро в объятиях была Юлиана...

Она кормила его и смотрела как мать – на своё дитя, – блаженно и кротко. Во всём этом была некая трансцендентальность, поскольку постичь таковую обособленность и оторван-

ность от всего внешнего весьма непросто. Для этого нужно любить...

В минуты всепоглощающего отдохновения они, полулёжа на диване, тешились мечтаниями, вполголоса обмениваясь своими причудами. Иногда Маэстро бросало в поэзию, и он посвящал ей стихи, не спеша, отрешенно читая:

«Дары судьбы неотвратимы,
И ты летишь в меня сквозь боль;
А суета – как действие мима,
И здесь ясны лишь мы с тобой».

Она замороженно слушала его, а затем по-детски хлопала в ладоши и восклицала: « – Ты гений! Любимейший мой!» Маэстро слегка смущенно отводил взгляд... Он с тайным благоговением смотрел на Юлиану, с трудом подчиняясь своему взбудораженному рассудку и оправдывая такой исход событий только Волей Провидения... Когда-то давно у него была жена. Но это было в какой-то другой жизни. Они прожили вместе недолго – она ему изменила... Он догадывался, что среди женщин встречается порода самок. Это существа с особым мировосприятием. Они живут чувством пола, хотя любят рассуждать о пользе кислорода и отравленном климате. С виду они скромны и элегантны,

легко приручаются, и, как правило, – просты в обращении, хотя могут казаться неприступными. Обычно они распознаются по глазам...

Но вернёмся к нашим возлюбленным. Маэстро не мог долго без музыки. Он брал флейту и что-нибудь наигрывал. Иногда, когда он, играя, входил в азарт, пальцы его босых ног как-то эксцентрично двигались, исполняя какой-то озорной каббалистический танец, причём, совершенно не в такт музыке. Вероятно, это были некие энергетические импульсы, шедшие изнутри. И Юлиану эта игра ног очень умиляла, она открыто улыбалась и вся светилась. А его умиляли её лёгкие руки. И было в их взаимности то, что можно назвать одним словом – гармония... Вообще, он был человеком настроения, что присуще людям искусства, и, пребывая в сосредоточенно вдохновенном состоянии, пытался сыграть что-то новое, своё, неповторимое. Она же – она ничего не хотела вообще. Она только хотела быть с ним рядом... И вот, когда она была рядом с ним и приникала всей своей непостижимой сущью к его отрешённому дыханию, вживаясь в его затяжной каприз, он начинал играть... И... Здесь мы опять сделаем небольшое необходимое отступление...

Можно падать на самолете с высоты 9 000 метров, имея уверенность в том, что разбудишь пинками в хлам пьяных пилотов, и они не предъявят к тебе никаких претензий, но невозможно взлететь с абсолютно трезвыми намерениями, а проще говоря – отдав себя целиком здравому смыслу... В Африке, к примеру, можно убежать из тюрьмы, но при условии, что у тебя где-нибудь неподалёку в заначке припрятано несколько ящичков водки для откупа. Но опять же – всё относительно. Жизнь есть абсурд и этому имеются тысячи подтверждений. Например, на заре двадцатого века всем пообещали светлое будущее и устроили террор... Однако и в абсурде есть логика. Вот ветхий народ полюбил хлеб и зрелища, и Рим возбудил уголовное тело... А у иудеев был обычай – на Пасху даровать жизнь одному из осуждённых на казнь. Но люди всё перепутали. Лопари вычисляют курс ветра у Египетских пирамид, и Сфинкс в пещере Енгадди хранит мистерию Апокалипсиса... Так вот, совмещая апокрифические данные с мистическими откровениями, можно смело сказать, что мы завершаем очередной виток Вселенского цикла и отшибаем рассудок... О чём это говорит? О том, что наше сознание за-

туманено и не стоит отвергать то, чего мы не знаем...

Вы когда-нибудь проверяли свою иммунную систему?.. Нет? И не проверяйте. Всё равно правильного результата не получите. Нужно просто почуять в себе огонь и сжечь в нём всё ветхое и непристойное. Только тогда вы сможете почувствовать в себе преобразование, достойное жизни, иначе это называется любовью; и тогда никакая инфекция не поразит ваш организм. Но этого достигают лишь немногие, ибо мир непредсказуем... Царь Приам, например, любил парить ноги перед сном, в пылу мечтаний не подозревая о том, что Троянский конь уже строится... А Иоанн в кипящем елее стал всевидящим... Вот, Голиаф одевался в броню и остался мишенью. А пастух из Провинции взошёл над шипами. Ведь сказали Саулу: «Вынй камень из сердца – и воспаришь...» Но нет, тяжесть милее. Дно – зеркало мира. Течёт река Времени, – ни истока, ни дельты. Всплыви, – вдохни жизни... Но в каждом Дантесе убит Пушкин, и Суд продолжается. Пока не явится Командор. Пожатые пламенной десницы отверзет в сердце небеса. А пока – ночь на дворе, – Гефсимания...

Вообще, мы люди загадочные и непредсказуемые. Мы ищем не то, чего хотим, а когда теряем что-то, навеянное грёзами и раздутое pompой, то обвиняем во всём мафию, плюрализм и осатанелый курс доллара. Вот вы спросите: к чему я это? А к тому, чтобы в лопатках крылья почуять. Обломали нас рано. А всё потому, что мы катимся вместо того, чтоб летать... И что дальше? Свобода в крови и любовь на камнях. Где чертоги обетованные? Остаётся смотреть внутрь себя. Что там? Нервы, зарифмованные ударами пульса. А дальше – выдох души во Вселенную, чтоб вдох был глубже. Жизнь – её прочувствовать надо... К сожалению, мы начинаем ценить людей только тогда, когда их теряем. Утешает одно – что история, происшедшая с нашими героями – Маэстро и Юлианой является частью великой и нетленной Бесконечности, коей все мы обязаны своим непостижимым существованием. Так вот, – возвращаясь к вышеизложенным фактам и версиям, – продолжаю. И когда Маэстро играл на флейте свою, мистическую мелодию с неожиданными ритмическими оборотами, пространство вокруг него вдруг начинало преобразовываться, заливая всё ослепительным лучисто-оранжевым заревом... Но самое

потрясающее было то, что и его возлюбленная – тоже влетала в эту сногсшибательную феерию, и всё вокруг становилось лучисто-оранжевым, а точнее – апельсиново-огненным. И в этой игре души, света и звука рождалась всепоглощающая гармония, это была, скорее, мистерия. Да, это была мистерия, выводящая человека в иное измерение, что являлось, по сути, преображением, и они, слившись воедино, постигали совершенство... Это трудно описать. Да и нужно ли? Затем лилась несколько иная музыка, после чего оранжевая феерия постепенно рассеивалась, и Маэстро со своей возлюбленной вновь оказывались в своей комнате с большим окном, выходящим в загадочный мир... Но после этого волшебного действия (а иначе это не назовёшь) они чувствовали неопишное блаженство, они как бы исцелялись, сбрасывая с себя всё мрачное, нервное, безысходное, – что навеивало это смутное время с его катаклизмами, переворотами, околуполитической вознёй и апокалиптическими структурами, и некоторые минуты после этого ещё пребывали в некоей блаженной отрешённости... Затем они постепенно с новыми силами входили в обычный ритм жизни с её земными законами...

И вот теперь, когда в очередной раз они погрузились в волшебство музыки и спасительно-лучистой феерии, – случилось нечто из ряда вон выходящее, а именно – то, с чего мы начали своё повествование, – перед нашими героями, рассеяв оранжево-зыбкое зарево, распахнулось во всём своём великолепии ослепительное благоухающее побережье Канарских островов с его завораживающим океаном, бархатным пляжем, сибаритствующими боссами, туристами, пленительными красавицами, семейными парами и прочей экзотикой.

Если вы никогда не были на Канарских островах, то мой вам совет: никогда и не бывайте там. И никаким уговорам не поддавайтесь. Я, вот, – не был ни разу, и счастлив, потому как сие побережье с его райскими наслаждениями не амнезируется никакими экстрасенсорными установками, и, если уже раз попробовал, – то всё. Это же наркотик. Да это круче героина, потому что последствия непредсказуемы, и с точки зрения морали ещё неизвестно, что хуже – героин или Канары. Это проблема икс, усугубляющая синдром прогрессирующей эйфории, переходящей в хронический канаризм. Да это просто Валтасаров пир. Вот один мой знакомый биз-

несмен побывал раз (всего раз!) на Канарах – и всё... По приезду на Родину запил и пил полгода. Пил и читал Достоевского... А потом сам начал писать. В результате – все дела бросил, одичал, фирма обанкротилась. Правда, нашего полку прибыло. Но это – единственный случай, когда человек на собственных костях построил себе храм, и это есть исключение. А бывают случаи и похлеще... И только сильные духом могут отважиться на такое испытание, как неотразимые умопомрачительные Канары... Впрочем, каждый – сам себе господин и волен поступать так, как ему заблагорассудится. Но вернёмся к нашим героям.

Так вот, перед нашими возлюбленными распахнулось во всём своём великолепии ослепительное побережье Канарских островов... Причём, они понятия не имели, какой это остров, да это было и неважно; они осознавали одно – что их занесло именно на сногсшибательные, обескураживающие Канары. Это был шаг, достойный Фауста, только в иной ипостаси. Это был шарм Его величества Случая, не сравнимый ни с чем по своему волшебству, и, тем не менее, это была реальность... Маэстро и Юлиана стояли, врасплох обездвиженные этой реальностью,

и оцепенело смотрели на океанский берег, – он дышал ветром и жизнью; плеск волн сентиментально вливался в лепет людей, умиротворённо млевших на пляже. Вдалеке высились фасады каменных джунглей, в которых играло солнце, превращая эти экзотические феномены в монументальный мираж. И всё было овеяно какой-то непостижимой радостью, свободой, любовью, и всё казалось лазурно-золотым... Маэстро со своей спутницей встrepенулись, и с уст Юлианы слетело:

– Боже мой... Что это?

– По-моему, это Канары... Если я не ошибаюсь, – взволнованно ответил Маэстро. Он ошарашенно осмотрелся.

– Это чудо, – лепетала Юна. – Какое море!

– Это океан. Да, действительно, чудеса... Ну что, пройдемся по ветру? – добавил Маэстро.

Как мы уже говорили, – на пляже никто из отдыхающих и не подозревал о присутствии этих двух странных персон, ибо каждый был погружён в своё настроение, овеянное долгожданым теплом и свободой... Какой-то респектабельный мужчина средних лет омахивал букетом экзотических цветов молодую стройную блондинку, кокетливо лежавшую на спине

с раскинутыми руками; в другой руке он держал банку с пивом, к которой они попеременно прикладывались.

– Аркаша, ты научишь меня водить «Мерседес»? – спрашивала она, томно приоткрывая свои пленительные глаза.

– Я научу тебя рулить жизнью, – достойно отвечал Аркаша и отхлёбывал пиво из банки.

Рядом был сооружен небольшой пикник. Молодые люди – парни, девушки и солидные мужи с дамами – видимо, их родственники, устраивали себе праздник под открытым небом.

Неподалёку была слышна английская речь с каким-то голландским акцентом. Чуть дальше, – ближе к воде сидел в восточной позе щуплый смуглый паренёк и неподвижно смотрел куда-то в сторону горизонта. Какой-то мужик лежал на воде, неподалёку от берега, а напротив – на берегу стояла строгая женщина с греческим профилем и что-то гортанно выкрикивала в его сторону...

Очаровательная гибкая шатенка в бикини шла по пляжу рядом с молодым человеком в тёмном «поляроиде» и с сигарой во рту.

– Мишель, – мечтательно обратилась она к нему. – Давай останемся здесь навсегда...

- Да, но мы ещё не завершили наше турне, - ответил тот, мягко грассируя. - Я хочу побывать в России...

- Ах, мой милый, Россия так далеко... - пролепетала красавица и нежно посмотрела на путешественника.

- Родина всегда близка, - парировал Мишель.

- Ты, как всегда, прав, - пропела обворожительница и звонко захохотала, вынув изо рта своего спутника сигару.

Чуть в стороне от всех, откинувшись в шезлонге, отдыхал солидный человек с одутловато-усталым лицом и взъерошенными короткими волосами, тронутыми сединой. Видимо, это был одинокий бизнесмен, ещё не успевший адаптироваться в данной среде. Несмотря на благолепие окружающего мира, выражение его лица было мрачным, с налётом какой-то нервной хандры... А кругом кипела жизнь. В павильоне-баре, расположенном прямо на пляже, шумела счастливая публика, заказывая коктейли, пиво, закуски, лакомства...

Маэстро с Юлианой медленно шли вдоль берега. Маэстро вдруг остановился и вскинул флейту; в его взгляде сверкнул азарт. Юна за-

мерла, глядя на него. А он приложил флейту к устам и заиграл с отрешённым восторгом в глазах... Это был всплеск души. По пляжу плыла неуловимо щемлящая, ностальгически завораживающая мелодия...

Угрюмый босс в шезлонге вдруг начал просветляться, его лицо озарила улыбка и в глазах заиграло небо... Он оживился и приподнялся в шезлонге, осматриваясь. Это было преобразование, подобное тому, как если бы воздух стал музыкой... Паренёк, сидевший в йогической позе, медленно повернул голову, вглядываясь куда-то в пространство. Мужик, лежавший на воде, вдруг поплыл к берегу, причём, не двигая ни руками, ни ногами, а его дама возвела очи к небу и что-то благоговейно залепетала...

Отдыхающие на несколько мгновений замерли, как бы прислушиваясь к дыханию флейты...

В баре тем временем суетились гурманы. Плотный мужчина средних лет в белой тенниске и цветастых шортах с поясом-кошельком держал в руке купюры, готовясь вкусить омаров с баварским пивом и шашлыка, тут же стояла его статная супруга в больших тёмных очках и объемном купальнике.

– Много пива не бери, опять уснёшь, – наставляла она его.

– Да ладно, один раз живём, – бесшабашно ответил супруг и протянул деньги бармену, но, не успев ничего заказать, получил их обратно с возгласом: «Ноу! Рашн мани, – ноу!..»

Заказчик, как истукан, уставился на возвращённые деньги, затем перевёл взгляд на свою Дульцинею и испуганно выпалил:

– Что за бред? Откуда взялись «деревянные»? Где моя валюта?..

Супруга с ужасом посмотрела на российские купюры, затем на мужа и выпалила:

– Это тебя надо спросить!

Тот погрузил руку в свой кошелёк на поясе и вытащил оттуда упаковку купюр Российского банка... Сзади начали шуметь, толкаться, и горемычные супруги отошли в сторону. Они вдруг услышали уже знакомое:

– Ноу! Рашн мани – ноу!..

В баре началась суета и неразбериха, и бармен объявил перерыв.

А наши возлюбленные шли дальше – вдоль берега. Они упивались живописным ландшафтом, трепетно вдыхая идиллию мира... Неожиданно Маэстро остановился. Юна удивлённо

посмотрела в ту сторону, куда её спутник направил свой взор... На каком-то громоздком валуне в стороне от всех сидел довольно странный человек с угрюмым измождённым лицом, которое усугубляли длинные скатавшиеся волосы, обвисшие ниже согбённых плеч, и дремучая борода с проседью. Впалые бездонные глаза, казалось, горели каким-то безумством... На нём было обветшалое серое рубище с наброшенной поверх него огрубевшей овечьей шкурой, ноги прикрывали стоптанные рваные сандалии, туго обмотанные спасительной проволокой. Во всём этом странном субъекте сквозил какой-то сверхъестественный драматизм. Бродяга не спеша, сосредоточенно чертил небольшим ножом на песке какие-то знаки... Затем он начертил крест, медленно запрокинул косматую голову, воздев неприкаянный взор к небесам, и несколько мгновений оставался в такой позе...

Потом голова его резко упала вниз, он глухо выдохнул и ногой замёл всё начертанное... Он крепко сжал нож, оттиснув лиловые жилы, и неожиданно резко полоснул им по левой приподнятой руке чуть выше запястья. Но кровь не успела хлынуть из вен, – распоротая кожа как-то сама собой мгновенно сомкнулась, восстановив

невредимость руки, как бы ничего и не произошло... Бродяга издал тихий стон и с силой отшвырнул нож в сторону. Он погрузил измощённое лицо в угрюмые ладони, облокотившись о колени, и некоторое время сидел так, неподвижно. Затем он медленно встал и пошёл прочь...

Юлиана, напряженно глядя на этого странного удалявшегося маргинала, тихо вымолвила:

- Какой странный тип...

Она перевела взгляд на возлюбленного.

- Да, действительно странный, - ответил Маэстро и вдруг весь напрягся, как бы прислушиваясь к чему-то. Откуда-то доносился колокольный звон и тут же он заглушался сумбурными звуками, похожими на автомобильные сигналы и шум движущегося автотранспорта... Это было совершенно не свойственно данной обстановке. Хаотичные звуки резко прекратились.

- Что это? - удивлённо спросила Юна.

- Ты тоже слышала? - спросил Маэстро, в упор посмотрев на любимую.

- Да. Как наваждение какое-то...

Юна вдруг вся напряглась.

– Весёлое у нас путешествие, – как можно спокойнее произнёс Маэстро.

Их отвлекли звуки скрипки, доносившиеся откуда-то поблизости...

– Надеюсь, это не наваждение, – уверенно сказал Маэстро. Он взял Юну за руку, как берут за руку ребёнка, боясь каждого его неверного шага, и они двинулись вперёд, – на музыку...

Пройдя немного и свернув вправо, за косматые пальмы, они увидели нечто весьма любопытное. Высокий статный мужчина солидного возраста в тёмных роговых очках водил за верёвки куклу-марионетку. Он был одет в атласный халат до пят, перехваченный бархатным кушаком. Волосы у него были длинные, волнистые и белые как лён, и не понять было, – парик ли это или натуральные седые волосы; они мягкими локонами облегали голову и шею – до плеч, что выглядело весьма экстравагантно и в то же время гармонично по отношению к мужественному скуластому лицу с оттенком мягкой отеческой суровости. Круглые чёрные очки скрывали его глаза, и голову он держал прямо перед собой, словно глядя куда-то вдаль. Он перебирал крепкими длинными пальцами узловато-изящных рук, умело и мягко дергая за верёв-

ки марионетку, которая при этом делала интересные движения – то влево, то вправо, то вверх, то вниз... Рядом стояла стройная девушка небольшого роста и играла на скрипке что-то из Баха. Лёгкая прядь падала ей на лоб, придавая характер наивной невинности, в больших глазах сияла глубина чувств, отвечавших музыке, слетавшей со смычка, и вся она как бы слегка воспаряла с каждым акцентированно-высоким звуком. Тёмные волосы, изящно облежавшие светлое худое лицо и неожиданно уходившие в косу, драматический взгляд, длинное фиолетовое платье, шикарные перстни на тонких пальцах – всё это придавало ей значение некоего тайного величия с его отрешённой открытостью. Вглядевшись попристальней, можно было заметить, что это не девушка, а женщина вполне зрелого возраста, сохранившая свою элегантность и изящество манер.

Итак, под музыку Баха двигалась марионетка. Драматические возгласы скрипки завораживали, казалось, и её. Рядом лежал цилиндр, в который бросали деньги прохожие. Некоторые останавливались и с любопытством наблюдали эту музыкально-мистическую сцену, и публики собралось уже довольно много. Поч-

тенный кукловод, ни на кого не обращая внимания, искусно владел марионеткой...

Внезапно марионетка как-то неестественно, резко дёрнулась в сторону цилиндра с купюрами. Это был невероятный рывок, не свойственный данному действию, он был необъясним, ибо в руках кукловода повисли одни верёвки, а сорвавшаяся марионетка упала на песок, накрыв цилиндр с деньгами... Музыка оборвалась. Все ахнули, глядя на распластавшуюся марионетку и спокойно стоявшего кукловода, и не знали, что делать – то ли воздать почести искусству опытного мастера, то ли уйти с помутившимся рассудком...

Купить книгу «ОРАНЖЕВЫЙ БЛЮЗ»:

http://www.books.ru/books/oranzhevyy-blyuz-22939/?customer_product=1